

Виктор Балдоржиев

На закате века

Стихотворения (1998-2005)

12+

Виктор Балдоржиев

На закате века

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Балдоржиев В.

На закате века / В. Балдоржиев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1772-3

С приближением больших величин и событий разумный человек начинает осмысливать. Себя, свою жизнь, свои деяния. Историю и современность. Потом – мироздание, где ничего из осмысленного им не видно и нет. Даже тех больших величин, как новый век, новое тысячелетие, приближение которых он предчувствовал. В жизни человека всё придумано человеком. И тогда он опять остаётся со своими чувствами и великой пустотой, уже не пытаясь ничего осмысливать и сравнивать. Остаётся с тем, что придумал он сам и подобные ему. Эти строки нужны были только мне. Может быть, они будут нужны кому-то ещё?

ISBN 978-5-5321-1772-3

© Балдоржиев В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

На закате века	5
Просьба погибшего воина	6
Сергею Есенину...	7
«Люди метят в херы или в мэры...»	8
Проводы тёти	9
«Он распарит березовый веник...»	10
«Месяц зыбок в Ононе и розов...»	11
Смерть бродяги	12
«Отважный рыцарь Дитрих...»	13
«То, что легко дается – непрочно...»	15
«Судьба – как полет стрелы!»	16
«Верю – человеку...»	17
«В жизни случается всякое!»	18
«Когда я парю в полете...»	19
«Каких послушников в стране...»	21
«В краю вечнозеленых помидоров...»	22
«Океанскими волнами тучи...»	23
«Живой язык меня прельщает...»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

На закате века

(1998 год)

С приближением больших величин и событий разумный человек начинает осмысливать. Себя, свою жизнь, свои деяния. Историю и современность. Потом – мироздание, где ничего из осмысленного им не видно и нет. Даже тех больших величин, как новый век, новое тысячелетие, приближение которых он предчувствовал.

В жизни человека всё придумано человеком.

И тогда он опять остаётся со своими чувствами и великой пустотой, уже не пытаясь ничего осмысливать и сравнивать. Остаётся с тем, что придумал он сам и подобные ему.

Эти строки нужны были только мне. Может быть, они будут нужны кому-то ещё?

Просьба погибшего воина

(По мотивам старинных монгольских песен)

– Мой нукер!

Когда возвратишься домой,
Зайди в нашу юрту, поведай
О том, что мой меч зарастает травой,
Что я не вернулся с победой...

Скажи, что в бою горемычный убит,
Что тело гниет на чужбине,
Колчан мой блестящий, синяя, лежит,
Украшив леса и равнины...

Скажи, что несчастный друзей не предал
И небо не проклял укором,
Что шлем мой железный чернеет у скал,
Покрытый осенним узором.

Скажи, что застыли, мертвея, глаза
И были слезами омыты,
Что черная длинная, плетью, коса
С травой теперь перевита!

Поведай отцу, что я был еще жив
И после пятнадцатой раны!
А матери бедной потом расскажи
Про земли, народы и страны...

Сергею Есенину...

Я смотрю на вечерние дали,
Журавли надо мною летят.
Что за чувства тебя волновали
Мой певучий учитель и брат!

Растревоженный думой неясной,
Замедляю я времени бег,
Повторив за тобой: как прекрасна
Мать-Земля и на ней человек!

Очарован я песнями снова,
Голос твой звучит в сердце всегда.
Время страшно бежит! Только слово
Пролетит и обгонит года.

Простота и согласие созвучий
И великая тайна во всём.
Эту жизнь, мой учитель певучий, -
Золотым овеваешь ты сном.

Веселее, надёжнее, проще,
На Земле с тобой рядом нам жить.
Журавли и рязанские рощи
Продолжают со мной говорить.

«Люди метят в херы или в мэры...»

Люди метят в херы или в мэры,
Даже в президенты и кумиры!
Между тем судьбой всей биосферы
Правят гениальные банкиры...

Проводы тёти

Мотоцикл заводят соседи,
За селом – алый солнечный лик.
Белолицую важную леди
Приглашает в коляску мужик.

Дорогую московскую тетю
До райцентра племянник везет.
Тетя в отпуске, он на работе,
Но работа теперь подождет.

Ах, как гостью соседи встречали,
Все село удивили столом...
Закололи корову и сдали,
Чтобы в грязь не ударить лицом!

Мать сует пирожки ей в пакете,
Обнимают невестка и брат.
Мотоцикл поехал... И дети
Машут тете и что-то кричат.

Кожуру от столичной салями
Благодарно собака жует...
Загрустив о деревне и маме
Сядет тетя в большой самолет.

«Он распарит березовый веник...»

Он распарит березовый веник,
И на камни плеснет кипятком,
Побежит кровь, волнуясь, по венам,
И кольнет по костям тонкий ток.

И, святясь изнутри и снаружи,
Будет пить очарованный чай.
Он прошел сквозь колымские стужи
И вернулся домой... Невзначай.

«Месяц зыбок в Ононе и розов...»

Месяц зыбок в Ононе и розов,
Что боюсь прикоснуться к воде.
Снились мрачные тени колхозов,
Где беда привалилась к беде,

Тризны мертвых с живыми глазами,
Юбилей чертей в городах...
Болен я! Просыпаюсь ночами,
Явь меня настигает и в снах:

Там безумствуют грады и веси,
Скоморохи слагают стихи,
Круглосуточно празднуют бесы,
И напрасно кричат петухи!

А гордыню сменяет унынье
И тягчайший свершается грех -
Удушающий воздух пустыни
Отравляет безжалостно всех.

Самому себе страшно признаться,
Что схожу незаметно с ума.
Мне бы жить, ничего не бояться,
Но какая надвинулась тьма!

Жить бы в юрте у сопки на склоне,
Молчаливо мечтать у огня,
Видеть розовый месяц в Ононе
И поить вороного коня...

Смерть бродяги

Дух бродяги просит воли,
Ломота уходит в дрожь!
Захмелев от ветра в поле
Бродит спеющая рожь...

В душевных избах хлебосолы
Что-то прячут много лет,
Что-то копят невеселы,
Но чего-то нет и нет!

Строил он дома, заборы,
Закрывая даль дорог.
Глянет он на степи, горы...
И уйдет, не чуя ног.

Захлебнется вдруг и ахнет,
И расколется небо гром.
Как дрожжами поле пахнет -
Брагой, водкой и дождем!

Упадет бродяга в поле...
За труды и за приют,
Выжмут силы хлебосолы
И обратно отожмут.

.

«Отважный рыцарь Дитрих...»

Отважный рыцарь Дитрих в блестящем,
рогатом, шлеме очнулся в смутном недоумении.
Сливаясь с небом, тьма всадников откатывалась
за горизонт, как грозовые тучи.
Они появились внезапно и внезапно отхлынули,
как непредсказуемый ураган.
Бедный рыцарь Дитрих снял шлем с отломанным рогом
и огляделся. Было тихо, и солнце слепило глаза.
Над долиной переливался туман, а в зеленых травах
и ярких цветах сверкали латы и шлемы убитых,
тягостная роса войны.
Несчастный рыцарь Дитрих выдернул стрелу
из горла истекшего кровью коня.
Стрела отливала краснотой и была
на четыре пальца длиннее европейской стрелы
Славный рыцарь Дитрих не знал страха в битвах,
но сейчас ему стало страшно. Он закрыл лицо
ладонями и задумался...

Я знаю эти стрелы, пригнувшие и смешавшие народы,
создавшие сегодняшний мировой порядок.
Они сделаны из ветвей дикого персика-буйлэсана
и дикой акации-харганы, что растут за моим домом,
в солоноватой и суровой степи.
Даже не пытайтесь вырвать их из земли!
Даже не пробуйте разогнуть и выпрямить их!
Волокна их ветвей плотно и жестоко скручены,
как мышцы воинов и мастеров,
Делавших из них стрелы над кострами.
Это мои предки.
Но они были стихией самой природы,
а не ее отбросами, последний стадией
перед разложением, дающим новую жизнь остальному!
Стихия не знает препятствий,
Чтобы сделать и выпустить такую стрелу
нужны мощные люди и крепчайшие луки.
А кто бы мог натягивать их ежедневно и ежечасно,
покоря множество народов в железе и бронзе?
Так какие же это были луки и руки?
Это были не мы, одряхлевшие телом и умом,
это были совсем другие люди!
Никто не знает, как возникает сила инерции
и как она испаряется...
Друг мой, историк, поэт и художник, так ты себя
называешь... Используй и соедини анатомию

и другие науки, пытаясь познать себя и мир,
проходя по пыльным дорогам минувших столетий,
совершенствуя мысль и укрепляя свой дух.
Химические реакции, происходившие в моих предках
совершенно отличались от сегодняшних.
Ведь сказал же задумчиво один священник,
глядя на землю и звезды: «А, может быть, и химия?..»

А рыцарь Дитрих стал нищим бардом.
На городских и деревенских площадях
он пел, призывая людей укротить гордыню.
Он прожил долгую жизнь и был счастлив.
Он отдался божьей воле и укреплял свою,
Он не стремился судить других и узнать неведомое,
Он познавал себя и был счастлив.
Так Европа осталась на своем месте и расцвела.

А буйлэсан и харгана растут за моим домом,
в суровой и солоноватой степи...
Друг мой, историк, поэт и художник, так ты себя
называешь... Я зову тебя в степь.
Если выживешь – будешь жить!
И станешь – Историком, Поэтом и Художником.
А мир тебе покорится с радостью,
но и ты покоришься миру.
Так ты познаешь вкус прошлого, настоящего и будущего
и разницу между – казаться и Быть!

«То, что легко дается – непрочно...»

То, что легко дается – непрочно.
То, что легко дается – ненастоящее,
обманчиво, как мираж в пустыне.
То, что легко дается – делает человека гордым
и разрушает душу. Иллюзия радости испаряется.
Мне многое дается легко.
Я не люблю себя, берущего...
Мне нравится идти одному от горизонта
до горизонта и преодолевать преграды.
Мне нравится дробить скалы в пыль,
Мне нравится круто замешивать тяжелую пыль
водой из колодцев, выкопанных мной,
мне нравится ваять гармонию и пластику.
После меня остаются тоннели,
а впереди их цветут цветы и сверкает солнце.
Мне нравится трудиться!
Я пользуюсь плодами трудов других людей,
отдавая взамен свои плоды.
Ничем иным я не пользуюсь и ничего другого не отдаю.
Так мы создаем относительно равенство,
Так мы даже можем спорить.
Ведь спор – это разговор на равных.
Только так мы можем проникать до сути вещей
и делать все до конца.
От этого нам легко и радостно!

Мы отдаем всем, но берем только у равных.
Других условий и отношений душа моя не приемлет.
И я ничего не беру у окружающих и их властителей.
Но почему они считают меня -
гордецом, злоумышленником и сумасшедшим?

«Судьба – как полет стрелы!»

Судьба – как полет стрелы!
Это большая редкость.
Больше ошибок, сломанных стрел,
смятений, опасений, спасений -
устройства своих делишек,
кардиограммы больного сердца
при вмещающем все желудке.

Судьба – как песня, пронизывающая душу!
Это большая редкость.
Больше сбиваний с такта, криков, вздохов, и выдохов,
измаранных нотных листов -
устройства своих делишек,
кудахтанья курицы над прошлогодним яйцом.
Судьба, как прекрасный стих,
разрешающий в одно мгновенье
сложнейшие проблемы и тугие узлы судеб!
Это большая редкость.
Больше выпрошенных денег, тщеславия, умысла,
облизанных задниц учителей и зализанных головенок учеников -
устройства своих делишек,
мяса из крашенного воска и соуса из цветных помоев.

Судьба – как полет стрелы, как песня, как стих,
как великое и радостное Дело,
после которого рождаются новые люди...
Это роскошная редкость!
Но больше устройства своих делишек
ради желудка и убийства потомков.
Сколько вокруг детоубийц!

«Верю – человеку...»

Верю – человеку нравится жить!
Верю – он делает то, что ему в радость.
Когда он делает то, что ему не в радость,
слова и дела его не поддаются
никаким законам физики.
Когда он делает то, что не в радость,
все вокруг начинает рушиться и гнить...
Какая радость от упрямства,
умножающего страдания?
Неразрешимый вопрос!
И потому я смотрю на ласточек.
Как дружно и трепетно строят они жилище!

«В жизни случается всякое!»

В жизни случается всякое!
Сонорный звук
с мажорным звуком
нам дарят сладостный мотив.
Но, превращенные в мораль,
бесстыдно грабят наши души.
А автор пишет, упоенный
своим пророчеством и стилем,
совсем не ведая о том,
что мирно дремлющие звуки
Он в мародеров превратил
и изнасиловал себя.
В жизни случается всякое...

«Когда я парю в полете...»

Когда я парю в полете,
распластав сильные крылья,
то с голубого зенита
вижу людей и дороги...
Как длина и запутана
эта дорога.
Мне видна ее линия,
пролегшая через степи, тайгу и реки,
не признающая границ.
И не тени минувшего, а минувшая тень
мелькает по ней безысходно.

Он был воином и пастухом.
Он отправился в дорогу с берегов Онона,
и тяжелый колчан тяжелеет на его бедре.
В оперениях стрел затаился свист,
на остриях – плач женщин и детей,
но там же дремало его далекое беспамятство.
Он направил коня на Восток, и дрогнула степь!
Он прошел сквозь стены городов
и опустошил тысячи колчанов!
Он развернул коня на Запад, и выплеснулись реки!
Он долго блуждал по горам, лесам и долинам,
смешивая народы и страны,
Он каждый день выпускал по колчану стрел!
Его волосы стали седыми,
лицо навсегда попало в сети морщин,
когда конь вынес его к берегу моря.
Он потерял счет колчанам и годам.
И стала его дорога запутанным
и нескончаемым арканом.
Но по ней же он вернулся домой.
Он не знал, что Земля круглая!
Стрелы, выпущенные им в молодости,
вонзались ему в спину уже на излете.
Души убитых вселялись в него,
он забыл свое имя и род, как и дорогу.
Сгнили его колчаны и заржавела сабля.
Дань ему отдавали бритоголовыми Учителями.
Они поставили его на колени.
А через семь столетий, жалкий и маленький,
он отправился по дороге звериного пьянства
и позора...
Но когда я парю в полете,
то вижу его дорогу -

самую длинную из всех дорог,
пройденных человеком!
Я ложусь на крыло, разворачиваясь в полете,
и вижу -
едва заметные линии, заросшие травой.
Они словно брошенный на планету аркан.
Там движется безысходно минувшая тень,
Которая совершенно отличается от сегодняшней...

«Каких послушников в стране...»

Каких послушников в стране
Союз Писателей взрастил...
Вокруг все послухи его,
Как рыбы скользкие притом!
Что слышат эти бедолаги?

«В краю вечнозеленых помидоров...»

В краю вечнозеленых помидоров,
Непуганых веками дураков,
Среди наивных, детских, разговоров
Не ощутишь ни рабства, ни оков,

Всего того, что выдумали люди,
Перемудрив на совесть и на страх,
Того не зная, что когда-то будут
В своих оковах, словом, в дураках...

«Океанскими волнами тучи...»

«Океанскими волнами тучи...»

Обложили опять небеса,
Оседают песчаные кручи,
И поникли печально леса.

Но угрюмые мрачные думы
Поднимаются в душах людей.
Почему, почему вы угрюмы
Среди этих раздольных степей?

Будет солнце осеннее сонно
Нависать над прогретой землей,
Будут спать в степи сытые кони
Под серебряной ясной луной.

Почему вы угрюмы, туманны,
Где, какая случилась беда?
Ливни льют, ливни льют непрерывно,
Насыщается степь на года.

И блаженство, покой и усталость -
В плодородной ее глубине.
Поспевают плоды, наливаясь,
Как стихи сочной силой во мне...

«Живой язык меня прельщает...»

Живой язык меня прельщает.
Какая музыка звучит
в любом народе каждый день,
где каждый маг и композитор!
Какие ласточки мелькают, какая лань, какой олень,
бегут стремглав через ручьи, какие ветры, прошумев
среди деревьев и кустов,
летят по травам к океану!
Какие ливни, вызревая, обвально падают на горы,
на пашни рушатся и степи, луга и синие леса,
какая радуга сверкает
в обычной речи мужика!
Как пахнет мятой и цветами,
тягучим сытным молоком и теплым запахом ребенка,
душистым мылом и бельем, белее пышных облаков,
хлебами, печью духовитой
дородных женщин разговор!
О, как чирикают птенцы в уютных гнездах, обогретых
лучами радостного солнца,
какие живчики-ручьи звенят в предутреннем тумане,
какая вдруг сверкнет роса
в словах и лепете детей!
Живая речь, как человек, как все живое и родное,
не умирает никогда, а только движется, сверкая...
Но как застыли безобразно, какие формы обрели
живые звуки и слова в речах и книгах
мудрецов, что оторвались от народа
и плодородия Земли, себя в пророки возведя.
К тому ж еще – в учителя
других, которые считают, что пишут русским языком.
(Язык не сельское хозяйство, где можно сеять и пахать,
совсем не зная плодородья, корней его и глубины.)
Пророк без Бога, от себя... Без Бога, только от себя
Любое слово умертвит, и похоронит все слова.
Но так народ не говорит, жизнь совсем не такова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.